

Ирина Репина

ЕСЛИ ОНА так красива, то почему себя не показывает?

Это все слишком похоже на мистификацию! — охладил редактора литературно-художественного журнала «Аполлон» Сергея Маковского, единственного, кто мог слышать пленительный голос, читать тонкие и умные письма, всегда переложенные засушенными цветами и травками.

— Пусть она даже не совсем такая, как себя преподносит, но все равно это Она, — отвечал Маковский.

Постепенно выяснились подробности жизни загадочной поэтессы-графини: воспитывалась в католическом монастыре, рано потеряла мать, полностью предана своему исповеднику. Полна мистической, почти кощунственной любви к Христу, мечтает посвятить ему жизнь. О своей красоте прекрасно осведомлена, но не придает ей значения.

Признанный покоритель женских сердец Николай Гумилев уже готовился к очередной победе; молодой художник Николай Врангель встречал и провожал поезда, на которых она должна была ехать и бросался в ноги каждой симпатичной рыжеволосой девушке. Константин Сомов был готов ехать куда угодно с завязанными глазами, чтобы рисовать ее портрет. А Алексей Толстой неизменно краснел при одном упоминании имени Черубины. Ее искали в ложах театров и на светских приемах... Но незнакомка была неуловима.

Особенно активное участие в судьбе Черубины де Габриак принимал Максимилиан Волошин. Он активно пропагандировал ее творчество, и первая подборка стихов Черубины во втором номере «Аполлона» за 1909 г. открывалась его предисловием.

Так продолжалось два месяца. За это время Черубина болела, была почти при смерти. Ее письма становились все грустнее, а звонки реже. Она говорила о необходимости уйти, исчезнуть за дымкой, из которой когда-то появилась... Маковский был внутренне готов к разлуке. Все так бы и осталось в памяти, как прекрасная сказка, дар Фата-Морганы. Но однажды Михаил Кузмин сказал номер телефона, и, набрав его, Маковский услышал знакомый голос. И он назвал имя: «Елизавета Ивановна Дмитриева».

При всем желании вспомнить лица поэтессы и переводчицы Дмитриевой Маковский не мог. И вот в назначенный час она пришла, долгожданное свидание состоялось. Появившаяся женщина показала Маковскому на редкость некрасивой.

Таково основное содержание самой известной литературной мистификации начала XX века. Этой истории посвящено немало публикаций. Сохранились воспоминания основных участников событий: Максимилиана Волошина, который, собственно, и был режиссером и автором сценария истории Черубины, Сергея Маковского и Иоганнеса фон Гюнтера, главного виновника разоблачения. Тем не менее загадка Черубины осталась. Единственный человек, кто мог объяснить все до конца, Елизавета Ивановна Дмитриева, воспоминаний о Черубине не оставила — слишком много боли причинил ей литературный двойник. «История Черубины» Максимилиана Волошина — это многократно повторенный им устный рассказ, записанный в 1930 г. Татьяной Шанько. Естественно, Волошин отшлифовывал рассказ, со временем в нем появились новые подробности. И получилось прекрасное литературное произведение, своеобразное продолжение мистификации. Многие факты Волошин умалчивал сознательно — все, что касалось его личных отношений с Дмитриевой. Поэтому «История Черубины» требует критического отношения.

Рухнул миф о рыжеволосой красавице Черубине де Габриак: но появился новый: скромная, хромая, некрасивая школьная учи-

тельница Елизавета Ивановна Дмитриева принесла в «Аполлон» свои стихи, но они с презрением были отвергнуты эстетствующей редакцией, ибо внешность поэтессы не произвела должного впечатления. Тогда, чтобы отомстить и посмеяться над эстетами, друг Дмитриевой Волошин придумал звучный псевдоним, романтическую историю, подредактировал стихи (или даже написал их сам) и сделал все возможное, чтобы редакция поверила. Эту версию подхватила и Марина Цветаева, с Дмитриевой лично не знакомая. А Маковский все косвенно подтвердил, изобразив Дмитриеву просто уродливой. Но это так же далеко от действительности, как и история романской красавицы. Кем же на самом деле была Елизавета Ивановна Дмитриева, по определению Алексея Толстого, одна из самых фантастических и печальных фигур в русской литературе?

Елизавета Ивановна Дмитриева родилась в Петербурге 31 марта 1887 г. в обедневшей дворянской семье. Пережила раннюю смерть отца, трагическую смерть сестры, психическое заболевание брата, собственные нескончаемые болезни. Она была воспитана болезнями — отсюда склонность к мистицизму, задумчивость, погруженность в собственный внутренний мир, отзывчивость на чужие страдания. Все пришло к ней слишком рано — и страдание, и творчество, и любовь, и опыт. Но при этом Лиля, как звали Елизавету Ивановну домашние и друзья, была общитель-

«ГДЕ ХЕРУВИМ, СВОЕ МНЕ ДАВШИЙ ИМЯ?»

Даже могила Елизаветы Ивановны Дмитриевой (Васильевой) утеряна безвозвратно

на, умна, остроумна, умела притягивать к себе людей. Вокруг нее всегда были друзья и поклонники.

Но втайне мечтала она о другом. И собирала коллекцию фотографий патентованных красавиц. А в средневековых рыцарских романах, которые она читала на языках оригиналов, рыцари сражались за прекрасных дам, чтобы умереть, с улыбкой произнося Ее имя. Ради этого стоило жить. А Лиля была больная, слабая, некрасивая... Но так ли некрасива, как пишут некоторые современники? Взглянем на фотографии. На них милостивая женщина с серьезным, напряженным взглядом. Малорослый овал лица, большие глаза, опущенные уголки губ. А если учесть, что глаза были темно-василькового цвета и необыкновенно выразительны, что при оживленном разговоре ее лицо озарялось внутренним светом и очень хорошо... Ее шуточки и меткие определения превращались в поговорки, а остроумные пародии на современных поэтов расходились в списках... Дмитриева была добра, сердечна, чувствительна. И эти качества привлекали больше, чем эталонная красота какой-нибудь фотодивы.

Не меньший, чем Маковский, эстет Николай Гумилев был некоторое время серьезно влюблен в Дмитриеву и делал ей предложения. Падчерица Вячеслава Иванова Вера Шварсалон, несчастно влюбленная в Михаила Кузмина, из всех посетительниц «Башни» именно Дмитриеву выбрала как настоящую женщину, способную увлечь равнодушного к противоположному полу поэта. Вероятно, Маковский так старательно подчеркивал уродство Дмитриевой, чтобы по прошествии десятилетий доказать и себе, и своей ревнивой жене, что Черубина была красивым миражом, рассыпавшимся в прах. Видимо, из-за этого же Маковский утверждал, что после разоблачения мистификации с Дмитриевой он обстался. Но факты говорят другое. Дмитриева продолжала сотрудничать в «Аполлоне», брала у Маковского переводы. Их переписка длилась вплоть до отъезда Маковского в эмиграцию в 1919 г.

Дмитриева получила блестящее образование: с отличием окончила гимназию, затем — С.-Петербургский женский педагогический институт по двум специальностям: средневековая история и французская средневековая литература, была вольнослушательницей в Петербургском университете по испанской литературе и старофранцузскому языку, некоторое время училась в Сорбонне. Прекрасно знала западноевропейскую литературу, удачно переводила с разных диалектов староиспанского и старофранцузского. В литературной жизни Петербурга, начиная с 1908 г., принимала самое непосредственное участие — была в числе постоянных посетителей «Башни» Вячеслава Иванова, близко знала многих литераторов.

Вопреки все тому же мифу, стихи под собственным именем Лиля в «Аполлон» никогда не носила. Редколлегией был не принят ее перевод рассказа М. Барреса «Коллекционер душ». И вовсе не из-за внешности переводчицы — рассказ Дмитриева передавала через Волошину, но почему-то он не подошел для журнала. Начиная с первого номера, Елизавета Дмитриева значилась в числе основных сотрудников журнала (в дальнейшем наряду с Черубиной), сотрудники «Аполлона» собирались в ее доме на вечерние чаепития. Ее переводы с испанского и старофранцузского уже получили самые лестные отзывы, а Гумилев обещал содействие в публикации стихов. Были и общество, и внимание, и признание. Но этот путь казался слишком простым и обычным — хотя, сложись все иначе, он был бы пройден. Волошин угадал и окрестил возможность другого.

С Максимилианом Волошиным Лиля Дмитриева познакомилась в 1908 г. Завязалась оживленная переписка — их объединял интерес к современной французской литературе и оккультизму. Волошина с первого взгляда эта девушка поразила — глубиной суждений и трагизмом видений. А Лиля впервые встретила собеседника, способного понять ее почти до конца. 1909 г. — роман с Гумилевым, совместная

поездка в Коктебель к Волошину, и, как вихрь ворвавшаяся в жизнь любовь Волошина, любовь к Волошину. В Коктебеле и родилась Черубина. Так зачем понадобилась эта мистификация? Дело было не только в общеизвестной страсти Волошина к розыгрышам. На этот раз игра была слишком рискованной и далеко выходила за рамки коктебельского пляжа. Возможно несколько вариантов: Волошина раздражал эстетизм Маковского, и он решил слегка подшутить над редактором, или, наоборот, Волошин понимал, что «Аполлону» нужна изюминка, нечто нигде ранее не использованное, а стихи Лиля показались хорошим материалом. Впрочем, ранняя поэзия Дмитриевой не особенно выделялась на фоне петербургского символизма. Правильные, милые стихи — но не более. Вероятнее всего, Волошин понял ее нераскрытый дар и именем Черубины открыл ей дорогу. Стихи Черубины Лиля писала сама до последней запятой. Потом Волошину приписывали как редакторскую правку, так и полное авторство. Но он придумал только фон.

Завершить игру каким-нибудь красивым жестом мистификаторы не успели. Гюнтер, случайно посвященный в тайну, рассказал ее Кузмину, а Кузмин довел до сведения Маковского.

Через несколько дней на Черной речке произошла дуэль между Волошиным и Гумилевым. В дальнейшем эта дуэль оказалась прочно связана с Черубиной. Ее считали чуть ли не последним аккордом мистификации, достойным завершением истории Прекрасной Дамы.

Но Черубина здесь была ни при чем. Возможно, в момент вызова Гумилев еще не знал, кто скрывался за псевдонимом. И оскорбительные слова были адресованы реальной Лиле Дмитриевой. Волошин, противник всякого насилия, вынужден был заступиться за честь вовсе не картонной дамы, а растерянной, несправедливо обиженной девушки — девушки, ему близкой, почти невесты.

После дуэли что-то надломилось

в душе Дмитриевой. Она порвала связь с Волошиным, ушла из литературы, перестала писать стихи. Но, вопреки устоявшемуся мнению, срыв произошел не сразу после разоблачения. Вероятно, его причины были глубже. Наложилось все: и дуэль, и обида Гумилева, и потеря своего второго «я». Некоторые современники сильно преувеличили вину Дмитриевой. Но главная жертва мистификации — Сергей Маковский вовсе не был на нее обижен. Через год в «Аполлоне» появилась большая подборка стихов Черубины де Габриак в великолепном оформлении Е. Лансере, а рядом небольшое стихотворение за скромной подписью Е. Дмитриева. Маковский давал Дмитриевой переводы, она продолжала появляться на редакционных мероприятиях. Но что-то помешало ей продолжить литературную жизнь под своим именем. Как и стать женой Волошина. Что именно, так и останется тайной.

Лиля Дмитриева исчезла следом за Черубиной. А появилась Елизавета Ивановна Васильева, жена инженера-гидролога Всеволода Васильева. От литературы она отошла, казалось, навсегда. Жила то в Петербурге, то в Средней Азии, где Всеволод Николаевич строил каналы. Что-то переводила. Стихи писала крайне редко. Увлеклась антропософией, ездила на лекции Штейнера по разным странам Европы. В 1913 г. была назначена гарантом Петербургского антропософского общества. С 1913 г. возобновилась переписка с Волошиным и дружба — до конца жизни. Изредка в провинциальных журналах появлялись стихи Черубины де Габриак, перепечатанные из «Аполлона», но Елизавету Ивановну это мало волновало. Антропософия прочно вошла в ее жизнь, и все больше она обращалась к Богу. И постепенно вернувшиеся стихи были далеки от Черубинных — экзальтированно-литературное католичество сменилось искренним религиозным чувством. К сожалению, многие стихи, написанные перед революцией, погибли.

Революцию Васильева пережила в Петрограде. В 1918 г., спасаясь от голода и большевиков, они перебрались в столицу Белой армии Екатеринодар. Там Елизавета Ивановна вошла в кружок молодых поэтов, где познакомилась с Самуилом Маршаком. Вместе они написали для детского театра несколько остроумных и добрых пьес, которые вскоре вышли в сборнике «Театр для детей». Эти пьесы выдержали несколько изданий и до сих пор идут в детских театрах.

В 1922 г. Елизавета Ивановна возвратилась в Петроград. Поступила на работу сценаристом в детский театр и продолжила возглавлять антропософское общество. Появились новые пьесы для детей, книга «Человек с Луны (Миклухо Маклай)».

В 1926 г. антропософское общество было разогнано, а участники арестованы и отправлены в ссылку. Больная, хромающая Елизавета Ивановна зимой ушла по этапу в холодный Екатеринбург. В издательстве «Узел» был рассыпан уже сверстанный сборник ее стихов «Вереск». Вскоре она оказалась в Ташкенте, где работал Всеволод Васильев. В сентябре туда приехал на месяц Юлиан Константинович Щуцкий — китаевед, поэт, переводчик, замечательный музыкант, последняя и самая большая любовь Елизаветы Ивановны. И появился стихотворный цикл «Домик под грушевым деревом», написанный от лица сосланного китайского поэта Ли Сян Цзы. Осенью 1928 г. Ю.К. Щуцкий опять приехал в Ташкент проездом из Японии, где был в научной командировке (позже эта поездка послужила причиной его ареста и гибели). Елизавета Ивановна бодрилась, старалась хорошо выглядеть, но понимала, что эта встреча последняя — несколько месяцев болезнь держала ее в постели. Елизавета Ивановна Дмитриева (Васильева) умерла в ночь на 5 декабря 1928 года от рака печени в ташкентской больнице им. Полторацкого. Ее могила утеряна.